

УДК 304.9

**ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ
И ПОПЫТКИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛОЙ**

Д. А. Баженов

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 8 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье анализируется и теоретически реконструируется феномен инструментальной рациональности. Показывается, что данный тип рациональности лежит в основе существующих обществ. Выявляется альтернатива инструментализму через работы Франкфуртской школы. Делается гипотеза, что нарастающий инструментализм трансформирует общества в технокapитализм.

Ключевые слова: поздний капитализм, инструментальная рациональность, критическая теория, Т. Адорно, Ю. Хабермас, А. Хоннет, технокapитализм.

Abstract: the article analyzes and theoretically reconstruct the phenomenon of instrumental rationality. It is demonstrated that this type of rationality is the basis of existing societies. Revealed an alternative to instrumentalism through the works of the Frankfurt school. It makes the hypothesis, that growing of instrumentalism transforms society to techno-capitalism.

Key words: late capitalism, instrumental rationality, critical theory, T. Adorno, J. Habermas, A. Honneth, techno-capitalism.

Современные общества в неомарксистской и постмарксистской традиции характеризуются как *позднекапиталистические*. Главная особенность этой стадии общества – это *инструментальная рациональность* как главная социетальная характеристика, выражаясь языком функционалистов, или ее внутренний телос или дух, говоря языком классической философии.

Доминирующей идеологией позднего капитализма становится вера во всемогущество технологии, поскольку эта идеология провозглашает способность существующего социального порядка постепенно ликвидировать все возможности кризисов, найти «техническое» решение всех его противоречий, интегрировать мятежные социальные классы и избежать политических взрывов благодаря «*функциональной рациональности*» [1, р. 501]. С исследованием данного типа рациональности (инструментальной, технологической, функциональной) и с попыткой ее преодоления связывают такую парадигму обществоведения, как *критическая теория*.

Суть противопоставленной инструментализму и функционализму нормативной рациональности и классического (гегелевского) Разума

сущностно первым схватил *М. Хоркхаймер*: это такой тип рациональности и Разума, в котором «*акцент приходился скорее на цели, чем на средства*» [2, с. 9–10]. Инструментальной же рациональностью и соответствующим Разумом учреждается инстанция *калькулирующего мышления, подлаживающего мир под цели самосохранения* и не знающего никаких иных функций, кроме *препарирования предмета*, превращения его из чувственного материала в материал поработаемый [3, с. 107]. «Разум является органом калькулирования, планирования, по отношению к целям он нейтрален, его стихией является координация» [3, с. 112]. Инструментальная рациональность служит идеалистическим или, как сказал бы И. Кант, интеллигибельным параллельным сопроцессом позднекапиталистического способа производства. Каждое поколение круга Франкфуртской школы выстраивало свою модель преодоления инструментализма.

Господствующее инструментальное мышление выражается природным принципом господства и подавления, осуществляясь по схеме «субъект – объект»: «Субъект-объектные связи, по *Т. Адорно* (курсив наш. – *Д. Б.*), подразумевают однозначный угол зрения. Природа рассматривается исключительно в аспекте подавления и насилия. Вещи сами по себе смолкают, многокрасочность блекнет. Сущность вещей раскрывает себя только как субстрат господства, т. е. односторонне и искаженно» [4, с. 52]. Параллельно этому субъект, подавляющий внешнюю природу, должен обуздать внутреннюю природу, образовать не знающую сомнений самость, способную стать субъектом власти и господства. В итоге история просвещения есть история самоутверждения индивида как самоотрицания, история жертвы и отречения; человек отрекается от своей целостности, жизненности, природности в угоду рационально организованной самости [4, с. 52–53]. Субъект-объектная позиция снимает только категориальный срез предметности, который и выражается на языке инструментальной рациональности, являя собой причинно-следственные связи и отношения цели – средства и результата. Альтернатива *Т. Адорно* в том, что если природу не сводить к объекту акций, к потенциальному средству практических целей, то она оживет, представит многокрасочной и многоликой. По *Т. Адорно*, вещи, не искаженные аспектом господства, говорят не на языке логических структур, а на особом языке констелляции. Констеллятивные отношения, для которых характерны равноправие и открытость, присущи, по мысли философа, природе как таковой и имеют объективный характер, в то время как логическая иерархия и логоцентризм порождены субъект-субъектными отношениями [4, с. 53]. Для *Т. Адорно* не только констелляция, но и философия материализма отсылает к схеме «приоритет объекта»: «Прекрасное, представляющее собой нечто большее, чем сады из тисовых деревьев, – это не просто формальный феномен, восходящий к функциям субъективных представлений, основу его следует искать в объекте. Но усилия, направленные Гегелем на осуществление этой задачи,

закончились ничем, поскольку в целом он необоснованно постулировал метафизическую идентичность, тождественность субъекта и объекта» [5, с. 500]. Такой материализм направлен и против кантианского приоритета субъекта, т. е. против современного философского конструктивизма и против различных идеалистических философии, усердствующих в своем гносеологическом оптимизме.

Мимезис – это не только часть эстетического восприятия, но и часть подлинного мышления: «Понятие вещи не может представить то, что оно замещает – мимезиса, иначе чем присваивая себе что-то из миметического способа отношения и не теряя себя в нем» [6, с. 23]. В итоге проект преодоления инструментализации жизни у ведущего теоретика первого поколения Франкфуртской школы Т. Адорно выразился и редуцировался в эстетической и модернистской критике современного искусства и культурной индустрии, предлагая взамен новое субстанциональное отношение по линии «человек (общество) – природа» на базе мимезиса как подстраивание, сохранение и взаимоотражение двух природных начал. В XX в. данный способ снятия инструментализма оказался *утопичен*, поэтому лидер второго поколения критической теории – *Ю. Хабермас* – предложил свой, *коммуникативно-дискурсивный способ*.

Второе поколение критических теоретиков совершило гносеологический поворот: был совершен переход от инструменталистской субъект-объектной модели и философии сознания к коммуникативной субъект-субъектной позиции и философии языка. Аксиомой становится положение, что условием возможности взаимодействия индивидов является предсуществование языковых структур. Индивиды всегда обнаруживают себя в структурированном и раскрытом в языке мире, тем самым язык выступает как нечто первичное и объективное относительно говорящего субъекта. В итоге истинонесущими агентами становятся не единоличные субъекты, а разнообразные «жизненные миры», опосредующие коммуникативные практики.

С обращения к ранним работам Г. Гегеля возможно дедуцировать всю дальнейшую социальную философию Ю. Хабермаса. Так как дух возникает через язык и труд, логика которых движется в разные направления [7, с. 27], соответственно, вся дальнейшая философская система Ю. Хабермаса представляет собой дуализм категорий, связанных с трудом, и категорий, связанных с интеракцией. Первая связка категорий представляет собой уже описанную инструментальную рациональность и по теории общества представляет собой «Систему». Вторая связка предстает разрабатываемой философом коммуникативной рациональностью и по теории общества представляет жизненный мир. «Как культурная традиция, язык проникает в коммуникативное действие, поскольку именно интересубъективно значащие и константные значения, созданные традицией, позволяют ориентироваться на взаимность, то есть на комплексментарные поведенческие ожидания. Таким образом, интеракция зависит от прижившихся языковых коммуникаций. Однако же инстру-

ментальное действие, насколько оно как общественный труд подпадает под категорию действительного духа, также вплетено в сети интеракций и потому, со своей стороны, также зависит от коммуникативных рамочных условий всякой возможной кооперации. С позиций общественно-го труда даже единичный акт использования орудия труда опирается на использование символов, поскольку непосредственность животного удовлетворения побуждений не может быть преодолена без дистанцирования именуемого сознания от идентифицируемых предметов. Однако инструментальное действие даже в виде единичного акта – это все-таки монологическое действие» [7, с. 33]. Социально-политически коммуникативное действие представляет собой «дискурс», который нужно понимать как такую свободную от опыта и действия форму коммуникации, структура которой – это виртуализированные притязания на значимость утверждений, где участники, темы и содержания не ограничиваются; что не существует никакого другого принуждения, кроме принуждения лучшего аргумента, вследствие этого – исключены все мотивы, помимо совместного поиска истины, консенсус чего будет выражать «разумную волю» [8, с. 178]. Отсюда Ю. Хабермас обозначает главное противоречие в современных обществах: «Только в рамках концептуальной основы коммуникативного действия мы обретаем перспективу, из которой процесс социетальной рационализации предстает как противоречивый с самого начала. Противоречие возникает между, с одной стороны, рационализацией повседневной коммуникации, что привязана к структурам intersubjectивности жизненного мира, в котором язык считается подлинным и незаменимым медиумом достижения понимания, и, с другой стороны, возрастающей комплексностью подсистем целерационального действия, в которой действия координируются с помощью определяющего медиума как деньги и власть. Так как это соревнование не между типами действий, ориентированных на понимание и успех, но между принципами социетальной интеграции – между механизмом языковой коммуникации, ориентированной на притязание на значимость, механизмом, который вырисовывается в повышении прозрачности от рационализации жизненного мира, и теми не-языковыми определяющими медиа, через которые системы, ориентированные на успех действия, дифференцируются из. Парадокс рационализации, о котором говорил Вебер, может быть абстрактно выражен следующим образом: рационализация жизненного мира делает возможным своего рода системную интеграцию, которая вступает в конкуренцию с интегрирующим принципом достижения понимания и, под определенными условиями, имеет разрушительное воздействие на жизненный мир...» [9, р. 342–343]. Другими словами, история человеческого общества ведет к саморазрушению этого общества. Изначально из жизненного мира доисторического человека, времени, когда *Lebenswelt* и *Umwelt* тождественны, вычлениаются Системные протообразования – экономика и администрирование, которые из подчиненных или равных элементов с жизненным миром по мере

исторического развития занимают всё более доминирующее положение к нему. Происходит «колонизация» жизненного мира императивами Системы: «Вместо «ложного сознания» мы сегодня имеем «фрагментированное сознание», которое блокирует просвещение механизмом реификации. Это возможно, только если условия для колонизации жизненного мира соблюдены... Таким образом, теория позднекапиталистической реификации, переформулированная в терминах системы и жизненного мира, должна быть дополнена анализом культуры современности, которая заменяет сейчас вытесненную теорию сознания. Вместо того чтобы служить критикой идеологии, этот анализ мог бы объяснить культурное обнищание и фрагментацию обыденного сознания. А не стремиться за рассеянными путями революционного сознания. Он должен будет проверять условия для ресопряжения рационализованной культуры с повседневной коммуникацией, зависимой от жизнеобразующей традиций» [10, р. 355–356].

В 1990-е гг. от Ю. Хабермаса принял эстафету лидер третьего поколения Франкфуртской школы – *Аксель Хоннет*. Он продолжает намеченный предшественниками переход от негативистской критики и тупика классической критической теории к нормативной социально-политической теории. Он также полагает продуктивное взаимодействие философской рефлексии с полидисциплинарными исследованиями, которое было провозглашено М. Хоркхаймером, но на деле оно так никогда и не было реализовано из-за ограниченности «инструментально-трудоу» модели концептуализации социальной жизни [11, с. 26–27]. В своем главном труде «Борьба за признание. Моральная грамматика социальных конфликтов» А. Хоннет определяет свой подход как такое дальнейшее развитие коммуникативной парадигмы в критической теории, которое заменяет универсальную прагматику определенной антропологической концепцией признания. Теорию признания лидер третьего поколения Франкфуртской школы начинает строить с понятия «сознание несправедливости», введенное им в статье «Моральное сознание и социальное классовое господство» (1981) [12, р. 80–96]. Обращаясь к истории протестных движений низших слоев общества, А. Хоннет замечает, что в основе социального протеста лежит не столько ориентация на какую-либо программу справедливого общества или идею общего морального порядка, сколько ощущение несоответствия общества интуитивным, конкретно морально обоснованным притязаниям [12, р. 84]. Следовательно, философ надеется, что анализ позднекапиталистического общества представляется как нормативно выстраиваемая сеть морально притязующих друг к другу индивидов или групп [12, р. 94–95]. Опыт социальной травмы обладает нормативным последствием: нарушая моральные ожидания людей, они становятся готовы предъявить счет, разбивая легитимность существующих общественных установлений и генерируя потенциал для исторического прогресса [12, р. 95]. В качестве подтверждения своих

идей философ приводит исследование Р. Сеннета и Дж. Кобба «Скрытые раны Класса», в котором происходит пересмотр идеи сугубо материальной заинтересованности трудящихся как фактора коллективного социального движения в сторону культурно опосредованной борьбы за социальное достоинство; ставится вопрос о самоценности личности [12, р. 93–94].

Таким образом, «сознание несправедливости» – это не просто дополнение из области психологии или культурологии, служащее дополнением к более конфликтологически окрашенной критической теории. Это ключ к новому ракурсу восприятия социальной жизни и интерпретации процессов общественного воспроизводства. Критическая теория общества становится теорией осознанной несправедливости.

Текущая современность демонстрирует нескорое разрушение позднекапиталистических обществ, скорее их все более ускоренное развитие вглубь (автоматизация производства и сферы услуг) и вширь («калифорнийская глобализация») благодаря невидимым успехам НТР, переходу в *технокапитализм*. Если мы не надеемся на провал данной модели общественного организма, то должны верить, что теоретические «воздушные замки» Ю. Хабермаса и А. Хоннета когда-либо воплотятся в общественную практику, представ более гуманной и социализированной формой общества.

Литература

1. *Mandel E. Late Capitalism. Printed in Great Britain by Lowe & Brydone. Printers Limited, 1976. – 618 p.*
2. *Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер ; пер. с англ. А. А. Юдина; предисл. В. Ю. Кузнецова ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с.*
3. *Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер ; пер. с нем. М. Кузнецова. – М. ; СПб. : Медиум : Ювента, 1997. – 312 с.*
4. *Соловьева Г. Г. Негативная диалектика. Два образа критической теории Т. Адорно / Г. Г. Соловьева. – Алма-Ата : Гылым, 1900. – 194 с.*
5. *Адорно Т. Эстетическая теория / Т. Адорно ; пер. А. В. Дранова. – М. : Республика, 2001. – 528 с.*
6. *Адорно Т. Негативная диалектика / Т. Адорно ; пер. Е. Л. Петренко. – М. : Науч. мир, 2003. – 374 с.*
7. *Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М. : Праксис, 2007. – 208 с.*
8. *Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Л. В. Воропай ; общ. ред. и вступ. ст. О. В. Кильдюшов ; прим., имен. и предм. указ. Т. А. Дмитриева. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.*
9. *Habermas J. The theory of communicative action. Volume 1 : Reason and the Rationalization of Society. Trans. by Thomas McCarthy. Beacon Press. Boston, 1984. – 465 p.*

10. *Habermas J.* The theory of communicative action. Volume 2 : Lifeworld and system : a critique of functionalist reason. Trans. by Thomas McCarthy. Beacon Press. Boston, 1987. – 457 p.

11. *Фурс В. Н.* Социальная философия в непопулярном изложении / В. Н. Фурс. – Минск : ПроPILEI, 2005. – 183 с.

12. *Honneth A.* Disrespect. The normative foundations of critical theory. Published by Polity Press, 2007. – 275 p.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Баженов Д. А., аспирант кафедры философии

E-mail: dmibazhenov@gmail.com

Тел.: 8 (987) 541-45-95

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Bazhenov D. A., Post-graduate Student of the Philosophy Department

E-mail: dmibazhenov@gmail.com

Tel.: 8 (987) 541-45-95